

глаголы не представлены вообще; 5 позиция – 2,8 % против 1,8% (6), 7 позиция – 4,9% (16) против 3,1% (10). Хорей: 1 позиция – 8,8% (32 гл.) против 3,1% (11); 3 позиция – 5,8% (21) против 3 % (11); 5 позиция – 1,9% (7) против 0,8% (3); 7 позиция – 3,3% (11) – многоэлементные глаголы не представлены вообще. Лидирующее положение в межстопных позициях занимают как простые, так и сложные МС. Ямб: во 2 позиции за КФ следует КССФ (4%, 16 глаголов), в 4 позиции второе место по частотности с КСФ разделяет КФПф (1,9%, 6 глаголов); в 6-й позиции второе место по частотности после КСФ занимают структуры ПКСФ и ПКССФ (1,6%, 5 глаголов соответственно), а КФ (0,9%, 3 глагола) замыкает группу анализируемых структур. Хорей: во 2 позиции структуры-лидеры – КФ и ПКСФ (по 4,1%; 15) и ПКФ (3,6%; 13); в 4 позиции это только простые МС КСФ (2,2 %; 8) и КФ (1,9%; 7). Особо выделяется 6-я позиция, где самыми частотными структурами являются 4-х, 5-тиэлементные структуры ПКСФ (7,7%; 28) и ПКССФ (5 %; 18), причем на долю других сложных структур тоже приходится значительное число глаголов. К примеру, 6-тиэлементная МС ПКССФПф представлена 3,3% (12) от общего числа глаголов, а 5-тиэлементная КССФПф – 1,7% (6). Соотношение между простыми и многоэлементными МС в межстопных позициях в ямбе решается в пользу последних во 2 и 4 позициях – 8,7% (28) против 12,9% (39) и – 5% (16) против 6,8% (22) соответственно; равноколичественно в 6 позиции – 3,4 (11) против 3,2 % (10) и в пользу простых структур в 8 позиции – 4,4% (14) против 1,6% (5). В хорее в пользу многоэлементных МС в 6 позиции – 22,6% (82) против 10,2% (32); почти равноколичественно во 2 позиции – 12,4%(45) против 12,6% (47); в 4 позиции больше простых структур – 3,6% (15) против 2,5% (9). Данным соотношением по сложности, частотности и разнообразию МС объясняются разные индексы морфемного синтеза во внутри- и межстопных позициях.

Итак, по результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы: глагол как часть речи обладает разным ритмообразующим потенциалом в ямбе и хорее. Хорей – более «глагольный» размер, чем ямб, что позволяет говорить о сближении хорей и прозы. Характер глагольного рисунка в стихотворной строке по количеству представленных глаголов во внутри- и межстопных позициях свидетельствует о разном ритмообразующем поведении глагола в ямбе и хорее: есть ярко выраженные глагольные и «неглагольные» позиции, которые не совпадают в этих размерах. Разного характера «пики и спады» создают разную глагольную пульсацию, которая придает повествованию размеренный, как в ямбе, либо динамичный, как в хорее, характер.

Межстопные позиции «глагольно» более насыщены не только по количеству глаголов, но и по разнообразию и морфемной сложности представленных там глагольных структур в обоих размерах, что отражается в индексах морфемного синтеза, который в межстопных позициях выше аналогичного показателя во внутрислопных позициях. При этом в ямбе индекс морфемного синтеза во внутрислопных позициях выше, чем в хорее, что объясняется большим разнообразием представленных там типов МС.

При дальнейшем анализе данные по глаголам необходимо сопоставить с данными по именам с проведением исследования по тем же параметрам, которые были применены к глаголам. Следующий этап предполагает исследование морфо-ритмических структур именных и глагольных слов с учетом их словообразовательных и словоизменительных характеристик с целью выявления и сравнения ритмообразующего потенциала данных частей речи в ямбе и хорее.

Литература

1. Гаспаров М. Л. Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1984. – С. 169-185.
2. Гаспаров М. Л. Синтаксические клише в поэзии Пушкина и его современников // ИОЛЯ. – 1999. – № 3.
3. Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Грамматический словарь стоп 4-ст. ямба в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Стилистика и поэтика: тезисы всесоюзной научной конференции (Звенигород, 1989). – Вып. 1. – М., 1989.
4. Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Глагольная рифма и синтаксис стихотворной строки // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 2.
5. Зубкова Л. Г. Части речи в фонетическом и морфологическом освещении. – М., 1984.
6. Гаспаров М. Л. Пушкинские двусловия: язык, жанр, стиль, ритм и рифма в стихе // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. – М.: ОГИ, 2001.
7. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. – М., 2002.

Сутулина Е. В.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ НОМИНАЦИЙ СЕНСОМОТОРНОЙ И МЕНТАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В самом общем виде проблема, поставленная в статье, состоит в поиске ответа на вопрос: как объяснить возможность употребления номинативных единиц, репрезентирующих одни концепты, для представления и вербализации другого концепта, ни коим образом не связанного с первым. Предварительный анализ практического материала, а также теоретических выводов в области когнитивной семантики и концептологии позволяет заключить, что подобного рода вербальные замены варьируют в различных языках и находятся в плоскости культуры [1], [5]. Проблема возможных вербальных замен будет рассмотрена в статье на материале лексических единиц, способных описывать как сенсорно-моторную деятельность, так и ментально-речевую. Присутствие в языках выражений типа *pensée amère, idée mal digérée, idée qui fermente, paroles aigres-douces, mots crus, discussion de mauvais goût, поглощать информацию* и т. д. приводит к необходимости поиска и описания причин таких употреблений. Такие идиоматические выражения, построенные на основе метафорических переносов, имеют относительный (случайный) характер или отражают некий когерентный концептуальный механизм сенсорной и ментальной деятельности? Настоящая статья будет посвящена поиску ответа на данный вопрос.

Некоторые лингвисты (например, генеративисты) считают, что языковая система образует отдельный модуль, несовпадающий с общим ментальным механизмом. Однако, все чаще, в рамках когнитивной лингвистики языковая деятельность рассматривается как один из «модулов» когниции, составляющий вершину

айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но дающие предпосылки для языковой деятельности.

Для когнитивистов, которые занимаются вопросами семантики, метафорические выражения как языковое описание другого явления (феномена) – есть ни что иное, как концептуальная метафора, которая располагается не на уровне слова, а на уровне мысли (концепта). Когнитивная семантика видит свою задачу в том, чтобы исследовать концептуальную метафорическую сеть, которая организует и отражает наше восприятие действительности в различных областях деятельности.

Исходя из этимологического значения слова метафора (*meta* = *porter* = переносить), называемые атрибуты, свойственные исходящему объекту, могут быть перенесены на другой объект, принадлежащий к другой области жизнедеятельности. Если первый выступает как объект-источник, то второй – объект-цель. В этом смысле возникает несколько вопросов, связанных с взаимодействием различных концептуальных сфер:

- существуют ли концепты, выступающие преимущественно как объект-цель переносных именовании;
- какими характеристиками обладают концепты, выступающие в качестве объектов-источников;
- может ли объект источник служить основой для структурирования объекта-цели;
- как установить соответствие между объектом источником и объектом целью.

Среди объектов, на которые распространяется опыт человека, имеются такие, которые не воспринимаются в их собственных терминах, а только лишь в терминах других объектов. Классический пример – концепт «время» в русском языке: время идет, тянется, течет, улетает. Описание концепта происходит с привлечением признаков движения, перемещения в пространстве. Для вербализации концепта «время» в современных языках может использоваться когнитивная схема «деньги», фиксирующая опыт взаимодействия человека с данным объектом: выигранное время / *le temps gagné*, потерянное время / *le temps perdu*, сэкономленное время / *le temps économisé*, растраченное время / *le temps gaspillé*.

Тем не менее, несмотря на то, что существует целый ряд концептов, подвергающихся метафорической вербализации в языке, вполне возможно выделение таких концептов, которые репрезентируются, а значит, осваиваются носителями языка неметафорическим способом. По мнению ученых, чем теснее связано понятие с повседневной жизнедеятельностью, тем больше существует шансов его неметафорической презентации в языке [2; 212].

Конец XX столетия отмечен развитием отечественной когнитивной лингвистики, когда появились переводы научных работ Т. А. Ван Дейка, А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа, Э. Рош, Ч. Филлмора. Одной из фундаментальных проблем когнитивной лингвистики на современном этапе является исследование структуры представления знаний о мире и способов концептуальной организации знаний в языке. Анализ научной литературы позволяет заключить, что классификация знаний человека о мире возможна на основе разных моделей представления опыта: пропозициональной, дименсиональной (от англ. *dimension*), метафорической. Наиболее интересные научные исследования посвящены именно метафорическим моделям, которые позволяют пропозициональным и схематическим моделям одной области использоваться в представлении знаний другой области [3, с. 3].

В статье будут подвержены детальному анализу способы именования во французском языке сферы «ментально-речевой деятельности». Объектом исследования выступают лексические единицы французского языка, описывающие данную сферу деятельности. Ментально-речевая сфера деятельности рассматривается в статье как сфера-цель, которая на лексическом уровне описывается глагольными и номинальными лексемами. В данной статье мы остановимся на тех лексических единицах, которые описывают ментально-речевую деятельность человека или выполняют метафорическое структурирование данного концепта.

В рамках когнитивной семантики уделяется огромное внимание как анализу структурирования концептов при помощи прямых средств именования, так и анализу метафорического структурирования тех или концептов, возникающего на основе возможных корреляций между двумя концептами (А. Д. Шмелев, М. С. Никитин, А.-М. Диллер, Пименова М. В., Пименова Е. А.).

Объектом анализа в статье выступают метафорические номинации концепта «продукты питания, прием пищи». В качестве сферы-источника метафорического структурирования данного концепта в статье взята сенсорно-моторная деятельность человека по приему пищи.

Заметим, что подвергаемый анализу концепт ментально-речевой деятельности представлен именными лексическими репрезентациями во французском языке, такими как *pensée*, *idée*, *mot*, *parole*. Субстантивные именные в вокабуляре французского языка описывают одновременно результат и процесс ментально-речевой деятельности.

Когнитивная семантика считает, что опыт взаимодействия с окружающей действительностью при помощи сенсорных параметров, является фундаментальным для понимания и объяснения абстрактного опыта человека [4, 122]. Другими словами, для того, чтобы передать, например, абстрактные сущности, язык предоставляет возможность использования знаков, закрепивших за собой уже существующий физический опыт.

Культура и способ питания – область жизнедеятельности, в которой человек активно действует со дня своего появления. Способы языкового поведения человека в данном случае определяются т.н. когнитивными схемами, которые выступают как результат сенсорного восприятия и моторики человека по освоению естественных характеристик продуктов питания в контексте культурного окружения. При помощи такой схемы человек организует свой опыт, знания о мире. Когнитивные схемы реализуются в языковых знаках.

Не претендуя на исключительный характер, когнитивную схему концепта «продукты питания, прием пищи» мы можем представить, на основании анализа способов его вербализации, в виде двух характеристик продуктов питания: субстанции и функций. Субстанцию продуктов питания возможно представить как набор:

- физических характеристик или консистенции пищи: твердая / *solide*, жидкая / *liquide*;
- химических характеристик или вкуса: соленая / *salé*, сладкая / *sucré*, пикантная / *piquant*, кислая / *acide*;

– действий по способу приготовления пищи: *couper* / резать, *bouilli* / кипятить, *rechauffer* / разогреть.

Относительно функций продуктов питания, то возможно выделение таких, которые взаимодействуют с органами питания, а также таких, которые связаны с процессом общественного обмена. В первом случае все функции группируются вокруг процесса потребления пищи: аппетит/*appétit*, принятие пищи/*ingestion*, пищеварение/*digestion*. Во втором – вокруг процесса реализации продовольственных товаров: цена/*prix*, вес/*poids*.

Таким образом, пища или продукты питания – объекты реальной действительности, опыт взаимодействия с которыми формируется через анализ их субстанциональных характеристик и функций в рамках определенного контекста культуры. Можно расширить когнитивную схему «продукты питания и прием пищи» на основе других характеристик таких, как происхождение пищи – животное, растительное. Но, с точки зрения ежедневного опыта, эти характеристики выступают как второстепенные в когнитивной схеме по сравнению с вкусовыми качествами, процессом приготовления и коммерциализацией. В рамках того или иного культурного контекста происхождение пищи как компонент когнитивной схемы концепта может играть важную роль, например, в некоторых религиозных системах эстетический компонент концепта не относится к центральным в европейской культуре. Иногда речь идет о «красивом фрукте», «*beau goût*», «*beau fruit*», но идея «красоты пищи» не является прототипической. Перечисление второстепенных компонентов когнитивной схемы «продукты питания, прием пищи» может включать также элементы обстановки и окружения в процессе приема пищи. Эти компоненты не являются настолько важными для нашего исследования, т. к. предварительный анализ практического материала показал, что соответствие между когнитивной схемой источника «продукты питания, прием пищи» и когнитивной схемой цели «ментально-речевой деятельности» не всегда полное, что означает, что концептуальная метафора только частично может описывать область-цель. Следовательно, один из источников, дающий возможность описания ментальной и речевой деятельности человека, а именно концепт «продукты питания, прием пищи» имеет многопризнаковую когнитивную схему, но не все компоненты этой схемы используются для построения концептуальных метафор при описании концепта «ментально-речевой деятельности».

Следующий этап анализа будет состоять в поиске системных соответствий между свойствами области-источника и свойствами области-цели. Эти соответствия находятся на лексическом уровне и представляют собой конвенциональные выражения языка.

Отмечено, что химические и физические свойства пищи систематически служат основой в процессе метафоризации. Консистенция продуктов питания вспоминается в следующих выражениях, описывающих ментально-речевую деятельность: *petit à petit l'idée prenait corps, il buvait la parole de son maître, ce livre au moins c'est du solide*. Вкусовые качества пищи также активно используются для метафорического описания ментальной и речевой деятельности. Например, *on lui prête des paroles amères sur le gabergie gouvernementale; voilà un livre bien incipide; Mme de Sévigné aimait les «bonnes conversations bien salées»; «le miel de la politesse; des flatteries empressées et mielleuse; «l'ironie pimente agréablement la tisane morale», dit Stendha; voilà une discussion de mauvais goût; il était tout miel tout sucre; il pensait amèrement à son avenir gâché; l'acidité de sa remarque me surprit; ils échangèrent des paroles aigres-douces; il a eu un mot délicieux; la sensiblerie des personnages affadit le sujet de la pièce u m. d.* Из приведенных примеров видно, что, четыре основных вкуса категоризируют ментально-речевую деятельность – *acide, amer, salé, sucré*, так же как и второстепенные *aigre, acre, doux*, совместно с типичными продуктами, обладающими этими качествами – *piment, fiel, miel*. Приятные или неприятные вкусовые качества категоризируют те или иные свойства ментально-речевой деятельности и соответствуют тем или иным иллюкутивным актам: критика, например, передается такими вкусовыми качествами как *aigre, acre, fielleuses*, упреки и насмешки – *amers*, лесть и похвала – *mielleuses, doucereuses*, передача мыслей и слов – *savoureux, incipides*. Эти совпадения на уровне специфических речевых актов подтверждают возможность интерпретации ментально-речевой деятельности через область-источник «продукты питания, прием пищи», использование которой создает своеобразную когнитивную схему для области-цели. Существенную часть когнитивной схемы «продукты питания, прием пищи», занимает компонент, связанный с приготовлением пищи и включающий различные процессы ее обработки: *couper, mitonner, réchauffer, bouillonner*. Соответственно определенное количество концептуальных метафор строится именно на этом компоненте. Например: *elle lui coupa la parole; découpez ce texte d'après les idées; il accommodait les idées à la sauce; il devait parfois écumer ses idées bouillonnantes; elle entrelardait son discours de citations latines; elle assaisonnait son discours de citations grecques; ces arguments, c'est du réchauffé.*

К перечисленным примерам можно добавить метафоры, построенные на процессе принятия пищи (*ingestion*) *je vous le dis tout cru, je ne mache pas les mots, il dévore les romans policiers, ta théorie est difficile à avaler*, а также, метафорические выражения, базирующиеся на таком элементе когнитивной схемы как пищеварение (*digestion*): *il n'a pas encore digéré mes paroles, il ruminait des pensées amères, sa remarque m'est restée sur l'estomac, il vomissait des flots d'insultes, «il cracha sur moi toutes les malédictions des prophètes»*. Достаточно активно используются в речи метафоры, связанные с концептуализацией слов и идей и построенные на таком элементе когнитивной схемы как аппетит: *son introduction m'a mis en appétit, appétit de savoir naît du doute, tout jeune encore il était assoiffé de poésie, elle est affamée de bonne littérature, sa conclusion m'a laissé sur le faim*.

В речи существуют примеры, построенные на метафоризации таких элементов когнитивной схемы «пища» как социальные функции: *il ne sait pas peser ses mots, ce sont des paroles qui ont du prix, il ne mesure pas ses paroles, connait – tu le poids de tes paroles, j'attache beaucoup de pris à son opinion, il ne marchandait pas ses idées, il ne sait pas monnayer ses idées*.

Итак, пересечение когнитивных схем области-источника и области-цели зафиксировано в сознании и происходит с включением только тех элементов, которые играют ведущую роль в формировании физического опыта человека в определенном культурном контексте. Концептуальную метафору и соответствующие

когнитивні схеми, використовувані для описання ментально-речевої діяльності людини, можна представити в формі універсальної типової структури концепту.

Приклади підтверджують систематичність відповідностей, зустрічаються при пересіченні когнитивних схем області-джерела і області-целі. Аналіз прикладів показує, що людина намагається організувати і описати свою дискурсивну і ментальну діяльність за аналогією з кулінарною діяльністю, вдосконалюючи їх точно так само як смакові якості їжі. При цьому хімічні і фізичні властивості їжі використовуються при метафоризації більш активно (*acide, amer, salé, sucré aigre, acre, doux*), ніж процес її приготування і переробки (*écumer, couper, mitonner, réchauffer, bouillonner*). Такі компоненти ментально-речевої діяльності як «слово» і «ідея» піддаються такій же «обробці» при перекресченні когнитивних схем або метафоризації як і елемент «продукту». Метафорична когерентність сенсорної і речевої діяльності не зупиняється на цьому. Ми намагалися виділити концептуальні метафори виходячи з тези про єдиність ментальної і дискурсивної діяльності. Щоб передати в комунікації якісь-небудь ідеї необхідно їх сформувати. Цей факт дозволяє виділяти в когнитивній схемі «ментально-речева діяльність» елемент внутрішньої мови і проаналізувати його метафоризацію в мові окремо від зовнішньої мови. Потенціальна автономія ментальної діяльності здатна бути описана концептуальною метафорою. Цьому буде присвячено подальше дослідження метафоричної когерентності ментальної і різних видів діяльності людини.

Джерела і література

1. Крючкова Н. В. Лінгвокультурологічне варіювання концептів. – Саратов: Наукова книга, 2005. – 185 с.
2. Diller A-M. Cohérence métaphorique, action verbale et action mentale en français // Communication: Sémantique cognitive, dirigé par C. Vauteloise, № 53, 1991, – pp. 209-227.
3. Попова З. Д. і др. Введення в когнитивну лінгвістику; отв. ред. М. В. Пименов – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2005. – 220 с. (Серія «Концептуальні дослідження». Випуск 4).
4. Rastier, F. Sémantique et recherches cognitives.- PUF, P., 1983, – 297 p.
5. Le Ny J.-F. Science cognitive et compréhension du langage. – PUF, P., 1989, – 353 p.

Сухомлин В. В.

ОСНОВНІ КОНЦЕПЦІЙ МОДАЛЬНОСТІ ТА ЇХ ОСОБЛИВОСТІ В СУЧАСНІЙ ЛІНГВІСТИЦІ

Будучи предметом живих наукових дискусій, категорія модальності вивчається сьогодні особливо активно. Така ситуація диктується як екстралінгвістичними, так і лінгвістичними факторами, що мають місце в сьогоднішньому житті суспільства. Це насамперед політичні, економічні та соціокультурні реформи, які впроваджуються в Україні та світі. Визначальними стали такі процеси, як розширення кордонів Європейського союзу на схід, очікуваний вступ України до СОТ, участь представників нашої держави на престижних конкурсах в Європі та світі, перемога України та Польщі в конкурсі на проведення найпрестижнішого європейського футбольного турніру в 2012 році. Внаслідок таких міждержавних процесів виникає мовний феномен, відомий в суспільстві як міжкультурна комунікація.

Традиційно термін «модальність» застосовують у синтаксисі, однак ця категорія є універсальною, а отже й особливо важливою для розуміння сутності мови. Універсальність модальності пояснюється перш за все її природою. Видатні науковці, які вивчали раніше, та ті, хто продовжує досліджувати властивості цієї категорії, по-різному підходячи до бачення модальності в лінгвістиці, в кінцевому варіанті своїх досліджень приходили до висновку, що модальність є полігамною, тобто існує на різних мовних рівнях. Звичайно, на кожному рівні вона проявляється по-різному – це залежить насамперед від специфіки самих рівнів: на кожному з них модальність має свої засоби вираження та виконує відповідні функції. Та всі ці засоби, форми вираження й окремі функції лінгвістичної модальності служать одній меті – вони покликані дати змогу мовцю висловити своє ставлення до змісту висловлювання, а також слухачам виразити свою згоду/незгоду (як експліцитно, так й імпліцитно) стосовно почутої/прочитаної оцінки. В цьому й полягає універсальність модальності та її широкий прояв в лінгвістиці.

Сьогодні існує дуже розгалужена сітківка вивчення проблеми модальності в лінгвістиці, та її умовно можна поділити на два напрямки: прихильники першого не визнають існування цього терміну, пояснюючи своє рішення нечіткістю визначення та знаходячи «замінники» модальності на відповідних мовних рівнях. До цієї групи відносяться й вчителі-філологи. Така байдужість до категорії модальності залишає її по суті невивченою в межах шкільної програми.

Логічно, що другий напрямок представляють вчені-лінгвісти, які говорять, що поняття «модальності» в лінгвістиці є невід'ємною складовою мовної системи й потребує досконалого вивчення. Вивчаючи модальність, вони говорять, що це одне з найважливіших мовних явищ: **«Модальність – це душа речення; як і думка, вона утворюється головним чином в результаті активної операції суб'єкта, який говорить. А це означає, що неможливо надавати значення речення тому висловлюванню, яке не має хоч якого-небудь вираження модальності»**. Так оцінив значення цієї категорії видатний швейцарський лінгвіст Ш. Баллі [1, 44].

Ці вчені стали основоположниками різних варіацій терміну лінгвістичної модальності. Серед найбільш вивчених є такі концепції модальності:

1. Концепція **логічного розуміння модальності** (С. М. Амеліна, Е. Я. Мороховська, фон Врайт); **логіко-семантичного** (Г. В. Колшанський); **логіко-граматичного** (В. З. Панфілов). Позиція цих вчених ґрунтується на повному чи частковому перенесенні в лінгвістику логічних модальностей. Так, С. М. Амеліна розглядає мовне вираження логічної модальності, під якою розуміє відношення «необхідність», «можливість» та «воля», досліджуючи інфінітивні конструкції, які не є реченнями, а отже й не можуть виражати оцінки ставлення мовця до предмету розмови [2, с. 11]. Г. В. Колшанський стверджує, що будь-яке висловлення є двоярусним, розмежовуючи предметно-логічний зміст як основний (на нашу думку це є поняттєве поле ФСП модальності) та